

КАК ПОЖИВАЮТ СТАЛЕВАРЫ?

ГЕННАДИЙ Бокарев. Это имя стоит в одном ряду с именами Александра Гельмана и Игнатия Дворецкого — драматургов, сумевших воплотить в последнее десятилетие в кино и театре сложный, эмоционально насыщенный мир отношений людей на производстве, вывести на встречу со зрителем героев, чьей личной судьбой стала судьба общественная... Знаменитые мхатовские «Сталева-ры». Пьесы «Испытание», «Пуск», «День почти счастливый», «Конец недели», сценарии фильмов «По собственному желанию», «Самый жаркий месяц», «Весь мир в глазах твоих», «Хочу, чтобы он пришел», «Конфликтная ситуация». Все эти произведения свердловского драматурга Геннадия Бокарева посвящены все той же производственной теме...

— Геннадий Кузьмич, расскажите о своей приверженности производственной теме.

— Действительно, с рабочим классом, вообще с людьми труда я связан с самого начала своей сознательной жизни: сначала в деревне, где родился и работал с семи лет, потом, после школы и армии, на старейшем на Урале Верх-Исетском металлургическом заводе, работал там гравальщиком в горячем цехе. Ну, а потом на знаменитом «Уралмаше». Так что производственная тема для меня понятие не абстрактное и надуманное, а скорее часть — причем большая часть — моей жизни.

Мы живем в такое время, когда производство и личная жизнь слились для многих людей воедино. Где проявляется человек как личность? Прежде всего на производстве. В конце концов о чем беседуем мы даже за дружеским столом? О работе... Ибо о работе, значит, о жизни.

Говоря о драматургии, могу сказать, что сам по себе производственный процесс с технологическими подробностями

для художника не столь уж важен. Но вот нравственные проблемы, возникающие в ходе этого процесса, являющиеся, как мне кажется, для драматурга моментом определяющим, и он обязан эти проблемы ставить. Решать — не знаю. Не уверен. Но ставить «болевые» проблемы обязан. И ставить их по мере сил вовремя. Как врач — диагноз.

Производственная тема так неудержимо шагнула на сцену и экран еще и потому, что, видно, не все у нас здесь, в сфере материального и духовного производства, еще ладно. Много недостатков, проблем, нерешенных вопросов. Согласны? Словом, производственная тема — не изобретение литературоведов, а реально существующая данность, откуда черпаются и будут черпаться все новые и новые сюжеты.

— И все-таки на этом участке сейчас наступило некоторое затишье, как утверждают иные критики. Согласны ли вы с такой точкой зрения?

— Согласен. Действительно, после отличных первых пьес Гельмана и Дворецкого наступило определенное затишье. Правда, появились пьесы «под Гельмана» и «под Дворецкого», а попросту говоря, скучные пьесы. Театрам очень нужны были пьесы о производстве, и бойкие ремесленники стали составлять их. В этих «произведениях», сами понимаете, об открытиях говорить не приходится. Повторять однажды найденное — дело бесперспективное. Этим и объясняется, на мой взгляд, затишье в производственной драматургии. А может быть, в момент паузы ведущие наши авторы зорко всматриваются в сегодняшнюю действительность и ведут на-

пряженный поиск нового поворота темы, нового характера. Это необходимо. Нужно открытые. И зритель жаждет его. Только новый, свежий и, возможно, неожиданный взгляд на проблемы отношений людей на производстве может принести впечатляющие результаты.

— Ваши «Сталева-ры» через десять лет после премьеры вновь идут во МХАТе. Интересно, если бы вы заново писали сейчас эту пьесу, изменили ли бы что-либо в ней?

— Писать что-либо заново — все равно что попытаться возродить любовь прошлых лет. Не получится. Размышляя в то время об отношениях людей на современном производстве, я думал: что же важнее — человечность или принцип ради принципа? Пускай даже ради верного принципа. В «Сталева-рах» Лагутин прав по принципу, а Хромов, как говорится, «по человечеству». Хромов — человек, он знает, что силой добро не насаждается. Издесь я на его стороне. Я не стал бы писать эту пьесу заново не потому, что устарели поднятые в ней проблемы. Просто разрешать эту проблему пришлось бы на новом, более высоком нравственном и профессиональном уровне.

— Как вы относитесь к значительному количеству идущих в наших театрах инсценировок прозы, которая, случается, берет на себя обязанности и ответственность драматургии?

— Мне кажется, что современная проза глубже, ярче и многоплановее исследует внутренний мир нашего современника, чем драматургия. В мире происходят сейчас важнейшие события, и проза, особенно проза, тяготеющая к докумен-

ту, оперативнее, как мне кажется, откликается на эти события. Поэтому театр, как чуткий инструмент нашей духовной жизни, незамедлительно обращается к таким произведениям. И потом, конечно же, огромную роль здесь играет имя и авторитет писателя. Они неизменно привлекают в театр нового зрителя. Ну, кто откажется пойти в театр на премьеру спектакля по новому роману Юрия Бондарева или Валентина Распутина? Конечно, немного обидно за нашего брата, драматурга, что так лихо порой обходят его прозаики, но, думаю, что главное в этом своеобразном соревновании — результат.

— Ваша последняя работа в театре — пьеса «Конец недели». Что вы хотели сказать этой своей работой?

— Несответствие приобретенным в юности священным для каждого человека идеалам того, что встречается на жизненном пути, — так бы я обозначил главный конфликт этой моей пьесы. Проблема подмены нравственных идеалов. Она существует, от нее не спрячешься.

Нечистоплотные духовно люди, стремящиеся получить от общества гораздо больше, нежели дать ему, объединяются в группы и компании и чувствуют себя там недосягаемыми для правосудия. Проблема дефицита. Привилегии «деловых» людей. Все это тревожные проблемы, об этом часто пишет наша пресса, и кое о чем из этого я попытался рассказать в пьесе «Конец недели», действие которой разворачивается на этот раз — впервые для меня — в научной среде. Пьеса поставлена в Свердловском академическом театре драмы.

И постановщик, главный режиссер театра, ныне покойный А. Л. Соколов, и актеры работали с большим энтузиазмом.

— Что послужило отправной точкой для создания пьесы?

— При работе над пьесой я не ориентировался на конкретное событие, хотя случай такой — спор за приоритет в создании уникальной машины между крупным заводом и головным НИИ — действительно имел место в Свердловске. Для меня важно было другое: как поведет себя главный герой в ситуации, когда необходимо выбирать — сподличать, но остаться на престижном месте или отказаться от всего, но остаться человеком...

— Как, на ваш взгляд, пре-ломляются в творчестве современного писателя «вечные» вопросы и злоба дня?

— Я, кажется, повторюсь, если скажу, что сам по себе производственный процесс для искусства неважен. Но, если ты уж взялся рассказывать о людях определенной профессии, то уж, будь добр, изучи ее и дай ее реальные приметы, ибо достоверность в искусстве — вещь очень важная. Ведь из-за неточности в обрисовке той или иной трудовой обстановки, из-за авторской небрежности или попросту незнания предмета может подвергнуться сомнению и весь замысел со всеми его благородными побуждениями.

Что же касается вопроса о вечном и злободневном, то должен заметить, что вопрос этот весьма коварный и трудный. Ведь чаще всего нам просто не дано с точностью определить, что вечно, а что, как говорится, скоротечно, прехо-

дяще. Отбор, скажем, пьес временем происходит часто вне зависимости от наших сегодняшних симпатий и антипатий. Все зависит от того, насколько значительным покажется нашим потомкам разговор, затеянный в той или иной пьесе. Наш же критерий сиюминутен и поэтому зачастую неточен. В этом плане злободневная, на первый взгляд, пьеса А. Вампилова «Утиная охота» представляется лично мне вещью надолго. Предмет нашего разговора со зрителем всегда — человек. Поэтому «долгожитие» всех наших повестей, пьес, сценариев зависит прежде всего от того, как глубоко мы заглянем в него, как свеж и неожидан будет наш взгляд, что нового откроем мы в сокровенных глубинах духовной жизни нашего современника, а значит, и человека будущего...

— И в заключение, Геннадий Кузьмич, несколько слов о новых ваших работах...

— Недавно закончен киносценарий «Найти и обезвредить» — остро сюжетная история о путешествии группы отпущников в Сибирь, где они неожиданно для себя попадают в экстремальные условия. Есть другой сценарий. Он расскажет о героических буднях Уралмашзавода во время войны, о том, как в короткий срок ценой нечеловеческих усилий здесь был налажен выпуск знаменитого танка «Т-34». Работают также над пьесой о наших современниках. Думаю и о прозе. Как говорится, «лета к суровой прозе клонят»...

Беседу вел
Сергей ДИДКОВСКИЙ.
СВЕРДЛОВСК.